

Советский Катехон и всемирно-исторические последствия его гибели

Советский Союз неправильно было бы, так как это делалось до сих пор, рассматривать исключительно в качестве исторического феномена. Безусловно, если он прекратил существования, то значит были некие несоответствия контексту эпохи, актуальным вызовам. Анализ этих несоответствий важен для понимания сущности СССР, но недостаточен. На Советский Союз целесообразно посмотреть не только через призму истории, но и призму будущего, футурологическую перспективу. Советский проект и был в сути своей прыжком в будущее. И погиб СССР именно ввиду того, что он значительно опередил свое время. Но минуло с его гибели тридцать лет, и запрос на СССР обнаруживает все большую актуализацию. Социальное расслоение мира достигло своего исторического максимума, расчеловечивание человека приобрело характер антропологической инволюции, цифровой тоталитаризм создает реальную угрозу установления мировой неонацистской диктатуры, современные практики образования и культуры ведут объективно к дебилизации молодежи, а трансгуманистические технологии и вовсе позволяют ставить вопрос о финале существования человечества. Все очевиднее становится запрос на альтернативу, которая бы вывела мир из того тупика, в который он оказался заведен в рамках системы капитализма. Такую альтернативу представлял в двадцатом столетии Советский Союз, и его гибель, ставшая снятием этой альтернативы, вызвала соответствующие кризисные последствия.

У каждого явления есть причины, его порождающие, и есть последствия, порождаемые им. Причины и последствия могут иметь различное масштабирование. Тридцатилетие, прошедшее после гибели СССР, определяет масштаб дискурса на уровне историософии, то есть определения общих трендов мирового исторического развития.

Гибель СССР являлась в историософском смысле не просто демонтажем советской системой, но ликвидацией русского катехона. В череде понятий, раскрываемых в качестве пост-систем, свое место должно быть отведено понятию пост-катехоническому времени. Это время, когда удерживающая зло сила в лице СССР была устранена. С его устранением несдерживаемые более ничем силы зла получают свободу действия. За три-

дцать лет после СССР происходит форсированная нравственная деградация человечества. Выстраивается мировая система, программирующая деградационный процесс.

Вошла в широкий обиход фраза о распаде СССР как геополитической катастрофе. Речь идет о катастрофе в преломлении к России и другим бывшим республикам Советского Союза. Но гибель СССР имела системные последствия не только для них, и эти последствия не сводятся к геополитике (дробление Хартленд и торжество Мирового Острова). Прошедшее тридцатилетие позволяет зафиксировать то, каким образом устранение Советского Союза оказало влияние на человечество в целом. Анализ истекших тридцати лет в фокусе последствий гибели СССР позволяет заявить, что это время являлось транзитом к той системе, которая устанавливается сегодня. Эта система могла бы быть установлена и раньше по итогам Первой и особенно Второй мировых войн, не будь тогда в мире фактора советской большевистской альтернативы. Методика контрфактического моделирования, построенная на исключении из исторического процесса какого-либо из факторов для оценки его значимости, дает все основания утверждать, что Октябрьская Революция и СССР изменили тренды, задаваемые мировой капиталистической системой в направлении целевого ориентира антропологически иерархизированного человечества.

При понимании Советского Союза в качестве государства-катехона, устранение которого открыло перспективы развития мира в соответствии с тенденциями, заложенными в существе капиталистической модели, можно выявить следующий перечень мировых последствий гибели СССР.

Во-первых, завершение формирования мировой элиты, сверхобщества бенефициаров.

Создание мир-системы капитализма определило объективно складывание наднациональной мировой элиты. Начало ее формирования можно датировать девятнадцатым столетием. Ранее в масштабе мира, при отсутствии мировой системы, оно сложиться не могло. Старые аристократические европейские роды после периода жесткой борьбы достигают компромисс с новыми родами буржуазной олигархии. Советский Союз и связанная с ним когорта стран в мировом элитаристском строительстве не участвовали и участвовать принципиально не могли. В сути своей советская модель была антиэлитаристской. Высший пар-

тийный слой — условно советской элиты в мировые элитарные клубы не входил. Система коммуникации между ними не допускалась. А прецеденты вхождения жестко пресекались, как это имело место в период сталинских партийных чисток.

Советский проект не позволял капиталистической элите достичь мирового статуса. И, соответственно, элитаристский клуб, а не США, и возглавлял борьбу против СССР. Размышления Александра Зиновьева о том, что Советский Союз был побежден не Западом, а «сверхобществом» отражает реальную картину мировых трансформаций. Это сверхобщество, а вовсе не Запад, и стало главным благополучателем в связи с уничтожением Советского Союза. Для населения же западных государств эта «победа» не дала ровным счетом ничего.

Во-вторых, максимизация социальной дифференциации человечества.

Советский Союз, утверждавший идеалы равенства, выступал историческим противовесом тенденциям социальной поляризации человечества. Октябрьская революция стала для мирового капитала роковым предупреждением — «надо делиться». В лице СССР появился центр, позиционирующий себя в качестве защитника всех трудящихся мира. Его девизом являлись слова «Манифеста коммунистической партии» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Развитие системы социального государства на Западе как государства классового компромисса являлось уступкой мировой буржуазии, вынужденной перераспределять доходы. В противном случае — российский сценарий — национализация крупной собственности. И положение трудящихся в мире в период существования СССР, действительно, заметно улучшилось. Был создан пакет социальной защищенности, направленный на ликвидацию крайней бедности. В тех же государствах, в которых буржуазия переходила некую условную грань социальной дифференциации, народ мог, опираясь на помощь «братского советского народа», сделать выбор в пользу социалистической модели развития.

Но вот СССР рухнул, и мировой капитал освободился от каких-либо сдержек. «Родина мирового пролетариата» была уничтожена. Исчез центр поддержки мирового сопротивления трудящихся. А без этой поддержки социалистическая революция в какой-либо отдельно взятой стране, как альтернатива власти зарвавшейся буржуазии, оказалась технологически невозможна. Она была бы подавлена на первых же шагах ре-

волюционного сценария. Остающийся же формально социалистическим Китай реально перешел на рельсы государственно-го капитализма, и, во всяком случае, специальной поддержки идеалов социализма вовсе не осуществляет.

Итогом устранения сдерживателя для мирового олигархата стала стремительная дифференциация в доходах между отдельными странами и стратами. Был перейден несколько лет назад условный рубеж 50% мировых ресурсов, принадлежащих 1% населения. Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттериш и вовсе заявил о том, что более половины мирового богатства находятся под контролем всего 26 человек.

Раскол социальный перерос в раскол онтологический — принципиального различия не просто в уровнях жизни, а в виде жизни. Онтологический же раскол по этой логике приводит к расколу антропологическому, подразумевающему распад видового единства человечества.

В-третьих, усугубление дифференциации между странами «золотого миллиарда» и странами «мировой периферии».

Советский проект стал катализатором не только социального движения трудящихся, но и национально-освободительной борьбы в мире. По большому счету крушение мировых колониальных систем являлось прямым логическим следствием Октябрьской революции и победы во Второй мировой войне. После победы над фашистским расизмом построенные на расистской платформе колониальные империи более не могли быть легитимными. Большевики еще при руководстве Иосифа Сталина наркоматом национальностей практически инициировали поддержку движения за освобождение народов Востока от британского владычества. О значении Октябрьской революции в перспективе развития национально-освободительной борьбы на пространстве колониального мира рассуждал, в частности, Иммануил Валлерстайн: «Послание русской революции различным образом повлияло на мир сильных государств, который мы будем называть панъевропейским, и на мир неевропейский. В ретроспективе едва ли можно сомневаться, что угроза перехода рабочего класса на более воинственные позиции заставила правящие классы сильных государств реагировать быстро и умно. В результате социальный пакет, способный удовлетворить трудящихся в панъевропейских странах, сильно увеличился... Но какое бы значение ни имел этот результат, он бледнеет по сравнению с влиянием русской революции на неев-

ропейский мир»⁴². «Разумеется, — пояснял Валлерстайн свой взгляд на суть советского проекта, — я убеждён, что русскую революцию следует понимать не как пролетарскую революцию, ибо таковой она явно не была, а как самую интересную и успешную попытку избавиться от панъевропейского господства. Нет сомнений в том, что многие русские считали себя европейцами. Большевики тоже занимали европейскую сторону в долгом русском споре между западниками и славянофилами. Но это лишь подчёркивает принципиальную неоднозначность движений, стремящихся к освобождению от панъевропейского господства. Эти движения требовали одновременно отделения и интеграции; и того, и другого — во имя равенства. В любом случае, после того как не произошло революции в Германии, большевики осознали, что их выживание и положение в мире связано со всемирным боем против империализма»⁴³.

Валлерстайновская модель мироустройства — центр — полупериферия — периферия — сложилась именно после гибели СССР. Она часто описывается как система однополярности, что не совсем точно. Дело не в том, что существует один полюс силы (их может быть два и три, но при единой парадигме сути модели это не меняет), а в том, что есть периферия — мировая обочина. При выходе из-под контроля актора полупериферии он тоже может быть сброшен на обочину, в зону небытия. При существовании СССР мировой обочины не было. Существовали страны «третьего мира», за выбор которых в пользу социализма или капитализма велась борьба Советским Союзом и Соединёнными Штатами Америки. И «третий мир» за поддержку своего выбора и даже за нейтральность получал соответствующие дивиденды. И характерно, что в девяностые годы после гибели СССР обвальное падение экономических и социальных показателей имело место не только на постсоветском пространстве, но и Африке⁴⁴.

Современный вызов Китая мало что меняет в сути мировой системы неравенства. Китайская корректива является в этом смысле не возвращением к модели двух мир-систем — социа-

⁴² Валлерстайн И. Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра. URL: <https://inosmi.ru/history/20110125/165957636.html>

⁴³ Валлерстайн И. Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра. URL: <https://inosmi.ru/history/20110125/165957636.html>

⁴⁴ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

листической и капиталистической, а восстановлением той модели, которая имела место до Октябрьской революции — одна мир-система при двух или более центрах.

В-четвертых, надувка «мыльного пузыря» новой финансовой системы.

Новая финансовая система — Ямайская начала замещать прежнюю Бреттон-Вудскую еще при существовании СССР (инициирующее ее соглашение было принято в 1976 году). Но стать мировой системой она не могла как минимум потому, что вне ее находилась экономика социалистических стран. «Мыльный пузырь» мог легко лопнуть при столкновении спекулятивного капитала с реальной экономикой. Лопнуть он мог и при отказе какого-либо из акторов Ямайского соглашения игры по правилам новой системы. Советский Союз мог, наконец, целевым образом торпедировать политику ФРС.

Сам переход к Ямайской системе на Западе произошел не от хорошей жизни. К такому переходу подтолкнули — выходка Шарля де Голля произвести расчет золотом по предоставленным им долларовой сумме (за что французский президент в итоге и поплатился политически) и ближневосточный нефтяной кризис, когда страны-нефтяные экспортеры, опираясь на фактор нефти, развернули свою геополитическую игру, поставив Запад перед угрозой обрушения. Но переход к новой системе в условиях биполярности был большим риском. В 1987 году обрушение показателей на нью-йоркской бирже даже превосходило соответствующие показатели 1929 года. И если бы во главе СССР стояла на тот момент другая политическая команда, этим кризисом он должен был воспользоваться, завершив «холодную войну» в свою пользу.

После разрушения Советского Союза накачке «мыльного пузыря» уже ничто серьезно не мешало. Инвестируемый Западом Китай был тоже «в деле» и выигрывал от перехода к новой модели, может быть, больше других.

Разрастание финансового «мыльного пузыря» соотносилось с ростом спекулятивных секторов экономики. Социальный паразитизм становится определяющей характеристикой новой системы. Паразитизм сверху выразился в получении прибыли из «воздуха», переход от описанной Марксом формулы Деньги — Товар — Деньги штрих к формуле Деньги — Деньги штрих-1 — Деньги штрих-2. Паразитизм снизу нашел проявление в девальвации этики, культе потребления.

Советский Союз выстроил уникальную в своем роде культурную апологию свободного труда. Передовики производства — простые труженики — рабочие, колхозники, учителя позиционировались как герои страны. Советская этика труда как общего дела отличалась от кальвинистской этики труда как достижения личной успешности в получении материальных благ. После обрушения Советского Союза труд как таковой перестал быть ценностью, оказавшись в новом понимании уделом «лохов». Произошло разделение между трудом — уделом аутсайдеров и креативностью — уделом элиты.

В-пятых, фактическая десуверенизация национальных государств.

Капитализм создал национальные государства вокруг национальных рынков. Но логика развития капитализма вела при переходе к этапу создания интегрированной капиталистической системы к их упразднению в пользу модели единого корпоративного мира. Именно сегодня и наблюдается этот переход, политически выражаемый в столкновениях «глобалистов» и «националистов».

В период «холодной войны» на упразднение национальных государств мировой олигархат пойти не мог. Они были ему нужны для борьбы против СССР. Существовал временный альянс сверхобщества и государств Запада. Это был альянс между финансовым капиталом и военной силой. Попытка десуверенизовать ту же Францию могла обернуться выходом из НАТО, как и случилось, а то и вовсе и переориентацией на Москву, как могло случиться. После гибели СССР более всего политический суверенитет потеряли европейцы — как Восточная, так и Западная Европа.

В-шестых, распространение культурных и психологических установок постмодерна.

Постмодерн, возникший как богемное течение еще в период существования СССР, не мог стать в то время онтологической доминантой. Для борьбы с советской альтернативой нужна была мобилизующая идеология, для чего постмодерн с его релятивистскими установками был совершенно не годен. Трудно себе сегодня представить, что еще при Рейгане США позиционировались как защитник традиционных ценностей и религии, обвиняя в отступничестве от них Советский Союз. Легализация аборт и декриминализация гомосексуальных отношений на Западе происходит сравнительно поздно. В Ан-

глии гомосексуальные отношения были декриминализованы только в 1967 году, а о признании из браком вообще не могло быть и речи. Впервые однополое сожителство было признано законом в 1989 году в Дании, что хронологически соотносилось с завершением «холодной войны». Для времени «холодной войны» нужны были солдаты, ученые и идеологи, а не рафинированные постмодернисты.

Невозможно было при существовании СССР и создание выстраиваемого на симулякрах постмодернистского информационного пространства. Пропаганда в «холодную войну» с обеих сторон допускала элементы неправды, но не отрывалась от некой объективной реальности. Если бы любая из сторон перешла на модель симулякров, она оказалась бы тут же изобличена как система лжи. Такие обвинения и так постоянно предъявлялись сторонами конфликта друг другу. Обвинения капитализма в системной лжи находило преломление даже в литературе, предназначенной для детей: достаточно назвать «Джельсомино в стране лжецов» или «Королевство кривых зеркал». Когда же система советской пропаганды была упразднена, появилась возможность выстраивания виртуального бытия в полном отрыве от мира реального. Технологически первой попыткой такого рода принято считать освещение войны в Персидском заливе 1990–1991 годов.

Постмодерн между тем, дойдя до предельной релятивизации (у каждого свои ценности, своя правда, свои представления о реальности), подготовил фактически почву для утверждения постпостмодерна, при котором устанавливается единая матрица мировосприятия по принципу «самоочевидного». Гибель СССР завершила эпоху идеологий. Процесс навязываемой деидеологизации соотносился с культурой постмодерна. То, что деидеологизация была навязываема свидетельствовало о том, что она представляла собой не отказ от идеологии, а подготовку глобального утверждения одной из идеологических моделей. Современная реидеологизация и стала фактически закреплением на уровне массового общественного сознания матрицы постпостмодерна — глобального тоталитарного общества.

В-седьмых, установление системы тоталитарного контроля над человечеством.

Советский Союз никогда не был тоталитарным государством. Ниш свободы он имел как минимум не меньше, чем капиталистические системы Запада. Было возможно творчество, дискус-

сии, критика и обсуждение проблем. Существовали, впрочем, и свои ограничения, так же как они существуют в любом государстве мира. Государств без ограничений в принципе не может существовать в силу самой природы государственной власти. Концепт тоталитаризма был выдвинут противником с начала «холодной войны» в целях отождествления большевизма с осужденным Нюрнбергским трибуналом национал-социализмом. Остается только удивляться его включённости в современное российское образование как на уровне школы, так и вузов.

Другое дело сегодня, когда развитие так называемых «цифровых технологий» достигло такого уровня, что контроль за большими группами людей, да и человечества в целом стал принципиально возможным. Но для такого контроля нужно и единство, или, по крайней мере, консенсус у групп, применяющих такие технологии. Советский Союз на консенсус с буржуазией в вопросе о контроле над человеком никогда бы не пошел. Отвергнуты были, в частности, предложения по реализации в мировом масштабе программ планирования семьи. Идеи такого рода регулирования были осуждены еще В. И. Лениным. Мальтузианский подход изобличался в Советском Союзе как фашизм. А без содействия СССР добиться регулирования рождаемости в мире было невозможно. Либеральный демограф, директор Института демографии Высшей школы экономики А. Г. Вишневский так описывал возникшую коллизию: «Международные организации стали принимать меры, чтобы в развивающихся странах замедлить рост населения, который был чреват, как было понятно с самого начала, серьезными последствиями. Но надо сказать, что довольно серьезным тормозом этому было опять наше любимое отечество. Потому что позиция Советского Союза была, ну я бы так сказал, в этом смысле штрейкбрехерской. Потому что, когда все развитые страны думали о том, как сократить, замедлить рост населения в развивающихся странах, в Советском Союзе, вопреки своим собственным интересам, как это мы теперь понимаем, занимали противоположную позицию и всячески отказывались от того, чтобы участвовать в этих усилиях»⁴⁵. Итак, СССР, при оценке его действий с позиций «западного сообщества», занимал штрейкбрехерскую позицию в осуществляемой глобальными

⁴⁵ Анатолий Вишневский: Откуда в мире столько террористов? Объяснение демографа. URL: <http://svop.ru/main/18331/>

международными силами политики замедления роста населения в мире.

СССР никогда бы не допустил проект «цифровизации». Технология не могла быть в принципе поставлена выше идеологии. Можно допустить ее использование в СССР в качестве инструмента, но нельзя — в качестве ядра системы. Дефиниции «цифровая экономика» или «цифровое общество» были бы заклеены, сообразно с марксистской методологией и здравым смыслом, как буржуазное вырождение. Сообразно с советским пониманием, в основе любой экономики — труд, а в основе любого общества — отношения людей в процессе производства, а вовсе не «цифра». Технологии не могли быть поставлены выше партии и выше рабочего класса. Опасения, что это может произойти и стали, кстати говоря, причиной свертывания проекта ОГАС — советского аналога Интернета.

В-восьмых, распространение идей антропологической инженерии, выражаемые аккумулятивно идеологией трансгуманизма.

Советский проект являлся проектом гуманистическим. Сообразно с ним в педагогике советского образования выдвигался ориентир формирования гармонически развитой личности. Идеи деконструкции человека были для СССР идеологически и культурно неприемлемы. Вся советская культура вращалась вокруг идеалов цельности личности и ценностей коллективизма, с которыми трансгуманизм был бы несочетаем.

Да, советский проект, особенно на начальной своей стадии, имел целевым ориентиром формирование нового человека. Но эта перспектива виделась в развитии духовных, интеллектуальных и физических качеств человека, а вовсе не в киборгизации. Советская идея нового человека представляла парадигму гуманизма, точнее сверхгуманизма, как максимизации потенциалов человека. Современный же трансгуманизм состоит в отрицании гуманизма, в отказе от антропоцентризма и в выходе за рамки собственно человеческой природы.

В СССР в 1930-е годы были разгромлены школы евгеники и педагогики. В то время, когда на Западе евгенические эксперименты приобрели широкую популярность, в Советском Союзе евгеника была заклеена как фашизм. С большим подозрением в отношении протаскивания фашистской идеологии относились, как известно, даже к генетике. Что же уж тут говорить о трансгуманизме?! Нет сомнения, что Советский Союз бы

осудил трансгуманизм в качестве неонацизма, и устранение СССР дало исторически зеленый цвет созданию трансгуманистических ассоциаций и партий.

Совокупно все перечисленные последствия для человечества гибели СССР могут быть выражены понятием «новая фашизация». Победа над фашизмом в 1945 году являлась, прежде всего, победой Советского Союза и связываемой с ним социальной системы. Существование СССР и являлось главным препятствием фашизма. Развитие капитализма привело в двадцатом веке к точке развилки. Капиталистическая система, вступившая в фазу империализма, в прежнем виде существовать уже более не могла. Одна сценарная перспектива состояла в максимизации сущностных характеристик капитализма, усилении дифференциации человечества, доводимой до уровня антропологического разделения, что выражал фашизм. Второй путь заключался в отрицании самого капитализма, и такая возможность была заявлена советским проектом. Фашизация по итогам Второй мировой войны была остановлена, и капитализм вынужденно приспосабливается к реалиям Ялтинско-Потсдамской системы. Но рухнул Советский Союз и капитализм продуцирует новую, сдерживаемую ранее «русско-советским катехоном» фашизацию. И сегодня, по истечению тридцати лет после гибели СССР, как никогда остро стоит запрос на его политическое возвращение, как силы и ценностной альтернативы, способной спасти человечество от очередной исторической эманации фашизма.